

Ниспосланная благодать

Ниспосланную людям благодать,

Позволительно всем живущим ждать.

Никому не дано предугадать,

Её! Хоть раз, кто избран получить...

Жизнь, принудив меня столько страдать,

Побуждает мысли мои признать,

Что предназначен был я испытать

Ниспосланную Богом благодать.

А было это так...

Первый прилет настоящего двукрылого самолета в наше село Ташлык, и его приземление на восточной толоке села, произошли летом, 1940 года. Село, шириной в три, четыре улицы, расположилось в широкой долине речушки Ташлык, хоть и малой, но в те годы не пересыхающей никогда. Ручейки на поворотах журчали всегда. Село растянулось вдоль балки с севера на юг, образовав своеобразный, узкий, но очень длинный зеленый оазис в степной зоне Бессарабии. Когда самолет, типа «ПО-2» приземлился на поле толоки - полосы не паханной, целинной земли, выделенной для выпаса скота, весь народ села был взбудоражен.

Люди, кто мог бегать или ходить, устремились по улицам, улочкам, переулкам, по тропам, ведущим к толоке к месту посадки самолета. Мой старший брат Кока и его одноклассник Федя, как соседи ежедневно общались и играли вместе. Я младше их на два года, всегда путался у них под ногами, стараясь присоединиться к их играм. У Феде были еще два старших брата и сестра. Их родители занимались скорнячеством, выделывали шкуры и шили кожанки. Для их работы нужна вода, много воды. И они выкопали и оборудовали в центре своего двора колодец с деревянным барабаном. В тот солнечный, жаркий день, когда прилетел самолет, старший брат Феде - Георгий таскал воду в большие каменные корыта-ёмкости, вмещавшие десятки ведер воды, для нужд хозяйства.

Прилетевший самолет, прежде чем приземлиться, пролетел над центром села на очень малой высоте и этим привлек внимание жителей. И когда люди поняли, что самолет приземлился, бегом хлынули туда, чтобы увидеть чудо. Федя, его средний брат Коля и мой брат Кока сразу устремились на улицу, завернули за угол и побежали по свободной от домов полосе, называемой «горой», к толоке - месту посадки самолета. Я - малыш, и то побежал за ними, но споткнулся и упал. Георгий, по возрасту уже сформировавшийся мужчина, кавалер, как тогда говорили, тоже поддался тому вихрю переполоха, вылил последнее ведро воды в корыто, схватил меня, плачущего на плечи и тоже побежал за бегущими любопытными людьми в гору. Он добежал и донес меня до ровного поля, поросшего низкорослой травой и молочаем в тот момент, когда самолет с ревом и пыльным следом уже взлетал.

Вернувшись домой, Георгий напился прохладной воды прямо из ведра у колодца. На следующий день Георгий умер...

На похоронную процессию сошлось очень много односельчан. Все соседи, среди которых были и мы - дети. Массивный, каменный мост через речку, протекающую вдоль села, был построен так, что поднимался большим горбом в середине ровного, грунтового полотна дороги, пересекающей село поперек его длины. Перед мостом процессия остановилась для совершения религиозного, ритуального обряда, положенного в таких случаях. Процессия затихла в ожидании слова священника и пения певчих. Но в этот момент я, находясь недалеко от гроба Георгия, расплакался. Меня стали успокаивать, но я разрыдался. Кто - то из взрослых взял меня на руки. Другие взрослые люди, подошедшие ко мне, упрасивали меня не плакать и не кричать. А я, опрокинув голову назад, совершенно не понимал, что они мне говорят. Я рыдал и говорил, чтобы Георгия не уносили. Это был последний момент из того, что я запомнил. Меня просто унесли из процессии. Повзрослев, помнил об этом событии, но не придавал ему такого значения, какое я придаю сейчас. Теперь, на склоне моих лет осознаю, что Кара Георгий, вспоминаю его фамилию, был человеком, который своей жизнью приобщил меня к самолетам и к вертолетам, к авиации. Это был первый сигнал в моей авиационной судьбе. Первый, но не последний.

Весной, 1945 года мне было девять лет. Заканчивалась война 1941-1945 годов. Бои шли где-то далеко, на западе. К нам в село

Ташлык прилетели одновременно два самолета «По-2» (кукурузника) и приземлились там-же, на восточной толоке. В досоветское время в наших краях Бессарабии социально-экономические, потребительские и культурные взаимоотношения людей, решались только через частное предпринимательство. Государство занималось в основном налогами и безопасностью. Лавки и лавочники, мастерские и ремесленники, маслобойни и олейники, мельницы и мельники заполнили с избытком все потребительские ниши большого села. Село было базарным, т.е. в каждый понедельник недели со всех окружающих сел в Ташлык приезжали продавцы со своими товарами и, естественно, покупатели. Среди лавочников господствовала семья македонцев с фамилией - Трифанович. Глава семьи - Спас и его сыновья Арсо, Трайко и Миша изготавливали для продажи различные сладости - от разукрашенных конфет, до разнообразных по форме и цвету леденцов. Для производства им нужен был сахар. Много сахара. Они привозили сахар из Кишинева, Тулчи или Галац. Весной 1945 года, когда Бессарабию освободила Красная армия, Кишинев остался единственным городом, удобным для пополнения сырьевых материалов необходимых македонцам. Братья македонцы зафрахтовали два пассажирских самолета типа «По-2» и привезли из Кишинева в Ташлык, закупленный ими товар: сахар, пищевые красители,

ароматные добавки и пр. Пилоты прилетевших самолетов, последовав совету предприимчивых братьев-македонцев, начали катать, вывозить по кругу на своих самолетах местных жителей за соответствующую плату в рублях. И закружилась карусель: взлет - посадка, взлет - посадка. Из желающих полетать образовалась очередь. Взбудораженные люди бегом мчались домой за деньгами и возвращались, чтобы полетать, может быть, единственный раз в жизни. Дети, и я с ними, бегали около самолетов, рулящих по полю. Самолеты были одинаковыми, а пилоты были одеты в разноцветные комбинезоны, один в синий, другой в грязно - коричневый. Полетный круг совершался над нашим селом. В один из моментов, когда самолет совершал разворот на поле, готовясь к очередному взлету, я изловчился и вскочил на стабилизатор и зацепившись пальцами за элерон, повис на заднем крыле. Но в тот же момент раздались крики из толпы, и я расслабив пальцы вывалился на землю, но успел заметить летчика в своей кабине с поднятой рукой. Я вскочив с земли, подбежал к товарищам и другим зевакам. Они кричали на меня, говорили, что летчик мог бы меня пристрелить, если б я, не свалился с крыла.

Толпа уже определила, что пилот в синем катает веселей, дольше и с выкрутасами т.е. с крутыми виражами, пике и горками. А пилот в коричневом катает без фокусов.

И вот очередной самолет с синим пилотом на старте. Местный, известный кузнец с женой, люди цыганской крови, стоя около самолета, считали и передавали деньги пилоту. Я стоял не далеко от них и смотрел увлеченно на летчика, принимавшего деньги красными купюрами. В тот момент, совершенно неожиданно для меня, кто - то жестко схватил меня со спины за талию и подреберья и так швырнул в пассажирскую кабину самолета, что я не успел и глазом моргнуть. Уже находясь в кабине, я повернул голову и увидел широко улыбающееся лицо Трайко - македонца, мужа моей двоюродной сестры Жени. Он подал знак и сказал мне сесть. Я уселся на заднее сидение. Цыган и его массивная жена, охая и ахая, тоже уселись. Женщина села рядом со мной, а ее муж – на переднее сидение, т.е. спиной к направлению полета. Летчик закрыл фонарь пассажирской кабины. Мы в кабине замерли. Самолет задрожал, и мы полетели.

Я понял, что мы летим, когда прекратилась тряска по кочкам на разбеге. Цыганка наклонилась вперед, закрыв лицо руками, уткнулась в свой подол. Ее муж, уперся обеими руками в кресло и смотрел куда - то вверх без малейшего движения своего тела. Они замерли. Я, не испытывая совершенно никакого страха, сразу посмотрел в окно кабины слева.

Женя до замужества постоянно проживала у нас. Трайко очень сильно любил свою жену-красавицу и, естественно, его привязанность к нашей семье была большой. Моего отца он почитал как своего отца. Хоть и называл его – дядя Пантюша. Поэтому я и оказался в самолете. Перед тем, как цыгане вместе со мной взлетели, Трайко игриво предложил уже хорошо знакомому пилоту прокатить цыган с пристрастием, чтобы потом была тема для шуток среди любителей –рассказчиков. Я неотрывно глядел через окно закрытой со всех сторон пассажирской четырёхместной кабины. Я увидел дома с их крышами и дымоходами, улицы с их изгибами и тупиками, деревья, людей крохотных с высоты птичьего полета. Когда в поле моего наблюдения попали два рядом растущих, высоченных, серебристых тополя, а они были единственными такими в селе, я сообразил куда надо смотреть, чтобы увидеть свой дом. Я его узнал сразу. И мы к нему приближались, и именно над центром села, где находится мой дом, самолет начал левый разворот с креном влево.

В течение всего нашего полета, пилот исполнял шуточный заказ Трайко, выполняя некоторые элементы высшего пилотажа: пике, горки, крутые виражи и пр. Особо запомнились два пикирования с последующей крутой горкой, когда, как говорится, жуешь свой желудок. Для меня все проходило хорошо, иногда очень хорошо, но дважды при выходе из горки, я хватался за жесткое сиденье и прижимался к нему, как это делал цыган. Я и запомнил те две эволюции самолета, потому что мне дважды стало плохо во всем теле, дважды появлялись и быстро исчезали совершенно незнакомые, отвратительные ощущения. Это была невесомость. Освоившись с новыми ощущениями, я явно повеселел. Осмелился призывать соседей посмотреть в окно, вниз, на то, над чем мы пролетаем. Кузнец улыбнулся и тоже начал смотреть в окно не отрываясь. Когда быстро замелькали разноцветные одежды людей, стоящих вдоль каменных заборов, ограничивающих село на востоке, я понял - мы прилетели на милую землю. Выйдя из самолета последним, я с чуть - чуть подкашивающимися ногами, уже на твердой земле оглянулся, чтобы увидеть Трайко, надеясь на то, что он, может быть, посадит меня в самолет еще раз. Но не увидев его, я пошел вслед за цыганами в сторону шумно встречающих нас людей.

Ко мне хлынула толпа мальчишек. Знакомых и не знакомых, таких как я, старше и младше меня. Даже девочки подошли, но не приблизились ко мне. Я шел не останавливаясь, улыбаясь молча. Мои товарищи и одноклассники по школе, трогали меня за руки и плечи, что-то говорили, кто - то на русском языке, кто - то на молдавском. Они шли, расступаясь передо мной и пристраиваясь в общую кучу ребят, которая вместе со мной продвигалась к забору. Что я им отвечал, что говорил тогда в тот день и тот час, не помню... Уж очень высоким был уровень новых душевных переживаний, еще не оцененных самим собою. Безотказно запомнили все события только мои глаза. Придя домой, я сразу понял, что моя мама уже знает о моем полете на настоящем самолете. Разговор она начала первой: “Ты уже и туда влез? Тебе мало того, что Кока наш погиб, а ты еле - еле живым остался? Ты забыл, как вы всё село взбудоражили взрывом бомбы? Что ты натворил опять, что попал в самолет?” Я ответил виновато, что ничего плохого не сделал, и что меня в самолет посадил наш Трайко. “Почему же люди говорят, что летчик прямо из своего самолета хотел тебя пристрелить?” – крикнула она. Я ответил, что не знаю, что никто в меня не стрелял и что я летал не один, а вместе с кузнецом-цыганом и его женой. Мама успокоилась и предложила мне поесть. Мой страх перед мамой испарился. Я понял, что она душевно со мной, что она не менее счастлива, нежели я тем, что её сын, её ребенок летал на советском самолете и совершил свой первый полет в жизни! По-другому оценил полет своего сына мой отец. В тот день его не было дома. Он где-то встречался со своими товарищами за стаканом вина. Он любил пригубить стаканчик-другой хорошего вина, а во вкусе и качестве вина он разбирался также профессионально, как и в своем любимом, сапожном ремесле.

Через пару дней, уже работая в мастерской со своими мастерами и подмастерьями, когда я вернулся со школы и вошел в мастерскую, отец спросил меня:” А, пришел? Двойку получил? Говоришь - нет? А ну - ка расскажи нам сапожникам, как ты летал с цыганкой и кто из вас обмочил самолет?” Я ответил, что ничего не знаю про то, о чем люди говорят про цыган. На этом разговоры о моем полете и о полете вообще, между моими родителями и мною прекратились навсегда. Но между сверстниками и мною интенсивность обсуждений усилилась. Разговоры и беседы, вопросы и ответы, воспоминания и предположения, споры и утверждения разгорались все более и более.

По соседству с нашим двором в пустом «гармане» - не обрабатываемом участке земли, заросшим травой, когда - то был построен большой, полноценный по архитектуре, каменный погреб (подвал) для базарных нужд. Это в центре села, где в каждый понедельник на базар приезжали люди из соседних сел. Арочный свод спуска в погреб и сам погреб были искусно сложены из стандартно обработанных, прямоугольных штук- камней из ракушечника. А над прямоугольным, каменным входом без двери, для защиты от разрушений, была установлена огромная, каменная, цельная плита. Сама плита толщиной в полметра превратилась в возвышенную, смотровую площадку размером в три метра на один метр. Плита превратилась в своеобразную крышу над входным проемом погреба. Эта гладкая, каменная плита над одиноким погребом, была постоянным местом сходов ребят. По - современному тусовок. Там сходились сверстники: школьники и не школьники, бедные и богатые, сытые и голодные. Камень нас всех уравнивал.

Теплыми, погожими вечерами, к закату солнца на плите собирался малый народ. Тот, кто приходил пораньше, занимал место на плите, а опоздавшие к разбору мест на вершине, рассаживались на обломки камней на склонах погребной горы или поудобнее пристраивались на траве. После моего полета на самолете, при каждой встрече с какими - либо товарищами, обязательно затевался разговор о самолетах. Один из таких вечеров запомнился мне навсегда. Война уже закончилась. Все чаще стали возвращаться домой воевавшие односельчане. Организовывались всякие артели, заговорили о колхозах. Появились первые трактора ХТЗ, грузовые машины полторки и ЗИСы, и даже мотоциклы. Поговорить было о чем. Конец 1946 года и 1947 год были еще далеко, о голодоморе в тот период времени, люди и предполагать не могли. Поэтому жили весело, полноценно и спокойно. Однажды, после затяжного, чумацкого дождя, небо прояснилось. Жаркое солнце за час-другой просушило дороги и тропы в центре села. Когда солнце склонилось к закату, на плите у погреба уже сидели несколько ребят. Они о чем-то говорили жестикулируя энергично. Заметив меня, вышедшего из калитки наших ворот, но не идущего к ним, вскочили и подошли ко мне с просьбой, присоединиться к ним и поиграть в «камушки». Это такая игра, в которой игрок подбрасывает один камушек из пяти вверх, а остальными четырьмя совершает строго определенные манипуляции, успевая поймать одной и той- же рукой возвращающейся камушек. Вместо камней, мы использовали раскрашенные косточки из бараньих колен. Очередной игрок играет до первой ошибки. В тот момент я отказался присоединиться к ним и сказал, что приду позже, когда выполню задание отца, пославшего меня к другому сапожнику отнести изготовленные им заготовки для туфель. Когда я возвращался, выполнив задание отца, увидел около погреба ребят и нескольких соседских девушек, звавших меня к ним. Я подошел. Меня усадили посредине плиты на самой вершине погреба, сами расположились вокруг меня, как кто смог, и замолчали. Я сидел боком в сторону заходящего солнца и любовался закатом. Далекое, покрасневшие облака прикрывали само солнце. Но его лучи временами проникая сквозь тучи, вырисовывали красивые узоры на небе.

- Ну, что молчишь? Давай рассказывай! - сказал один из старших ребят - школьников, переростков. – Видишь, мы собрались и ждем тебя, - заговорили и другие ребята.

- А, что рассказывать? Вы все знаете. Я же вам всё рассказал в прошлые дни, а нового у меня ничего нет! – ответил я. Тотчас - же они, перебивая друг друга, начали убеждать меня, что в прошлые дни учеба в школе не позволяла им слушать меня внимательно, и что сегодня мы люди свободные от обязательств и перед школой, и перед родителями, и что сегодня такой красивый день, как пасха. Они настаивали, чтобы я рассказал им о полете на самолете всё без малейших упущений, с самого начала и до конца. Все, что я чувствовал и при взлете, и при полете, и при посадке. Как вели себя цыгане, как вел себя я. Я посмотрел на их лица, особенно на лица старших и сильных физически отроков, которых вся малышня, в том числе и я, побаивались. В играх, обычно, сходились равные с равными. Я увидел в их глазах нечто такое, что меня охватило волнение. Мне показалось, вдруг, что они все младше меня, что я старше их всех и волен поступать, как старший. И начал рассказывать с того момента, когда дядя Трайко, неожиданно для меня, посадил меня в самолет.

В тот незабываемый вечер свободы и вдохновения, я рассказал ребятам всё, что мог и помнил. Я сказал им, что мне всё это очень понравилось, и что я уже мечтаю стать летчиком! И что я им буду! Мальчики и девочки, молчаливые и серьезные, завороженные моим искренним рассказом о моем чудесном полете, ждали, что я им еще скажу. И вдруг один из малышей, громко и неожиданно, чуть - чуть заикаясь, сказал: “ Уля, возьми меня с собой!” Некоторые товарищи рассмеялись, подбадривая малыша словами: “Возьмет, возьмет, смотри не прозевай!” А некоторые ребята, не проронив ни слова, медленно разошлись по своим домам. Оставшиеся на плите ребята, высказывая друг другу свои опасения получить нагоняй от своих родителей за позднее возвращение, разошлись.

На следующий день, и во все последующие дни, всё с большей силой я начал понимать, что в моей жизни изменилось что - то важное, существенное. И изменилось как - то в одночасье. Эти изменения стали заметными для меня в наших уличных, компанейских делах. Если компания из нескольких человек готовилась обобрать яблоки или груши в чужом саду, то окончательное решение не принималось самими зачинщиками налета, пока не услышат, что скажет Уля, т.е. - я! И если я говорил - нет, то даже старшие ребята отменяли налет.

Наступила осень. Возобновилась учеба в школах и русской, и молдавской, и украинской. Сбор и обработка плодов урожая фруктов, овощей, кукурузы, картофеля, подсолнечника и особенно винограда, требовали мобилизации всех сил, в том числе и помощь школьников. Сборы и разговоры у погреба и на плите прекратились. В школе вспоминали прилеты самолетов иногда, случайно, а со временем и вовсе забыли. Людям свойственно забывать то, что не касается их непосредственно. А я помнил, помню и, возможно, буду помнить свой первый, невероятно чудесный полет на самолете, всю свою жизнь!

До ниспосланной благодати, я совершу еще первый в своей жизни самостоятельный полет в качестве летчика - пилота. Первый, но не последний!